

В 1961 г. разными авторами были опубликованы три книги, в которых сходную трактовку получила одна и та же проблема, а именно проблема «хеттского» или «лувийского» субстрата в языках Средиземноморья во II тысячелетии до н. э., см.: L. R. Palmer. Mycenaeans and Minoans (London), A. Нечебек. Praeagraeca (Erlangen)¹ и рецензируемую брошюру.

Работа Дж. Хаксли «Крит и лувийцы» состоит из десяти основных разделов (1. Критская талассократия; 2. Микенская династия в Кноссе; 3. Минос и Сикания; 4. Минос, Сарпедон и Радамант; 5. Критяне, ликийцы и лувийцы; 6. Диктина, Дельфиний и Парнас; 7. Анатолийские тоponимы на Крите; 8. Среднеминойский Крит и лувийцы; 9. Данайцы и ахейцы; 10. Девкалион и Идоменей), приложения, озаглавленного «Некоторые проблемы хронологии», комментария, индексов и списка литературы. Основной тезис работы — «лувийцы на Крите»² — изложен автором в разделе 8 (стр. 33—35). По мнению Хаксли, лувийцы (народность, близко родственная хеттам) уже в XIX в. расселились в центральной Анатолии, прийдя туда с северо-запада или с востока (автор, принимая, по-видимому, тезис Ф. Зоммера о том, что хетты пришли «к себе» с востока, не склонен связывать с этим событием приход лувийцев). Автор полагает, что в ту же эпоху лувийцы находились и в западной Анатолии, занимая, в частности, территорию Бейгесултана; эти западные лувийцы проникли на Крит в период между 1900 и 1600 гг. до н. э., а возможно, и в более ранний период. С этой миграцией лувийцев автор ставит в связь возведение дворцов в Кноссе, Фесте и Малии (Среднеминойский период 1)³. Хаксли полагает, что лувийцам же принадлежала постройка большого дворца в Бейгесултане (Малая Азия), разрушенного в середине XVII в. до н. э. В ±1600 г. критяне стали селиться в Милете, что было одним из проявлений усиления лувийского морского господства, сопровождавшего на пять лишь к началу XIV в., после того как Крит был захвачен микенскими греками примерно в 1450 г.

В доказательство своего тезиса Хаксли приводит негреческие (лувийские, по его мнению) имена, встречающиеся в греческих текстах критского линейного письма В: *Pijatunu*, *Pijasete*, *Pijasiro* (<хет.-лув. *pīja-* 'давать', ср. м.-аз. *Pijamtu*, *Pijassilis*); *Tiwatija* (ср. лув. *Tiwati* — имя бога солнца; однако *-ija* в кносской форме едва ли может получить в данном случае удовлетворительное объяснение). Имя 'Рада-ва-фос' сопоставляется автором с лув. *Tarhundaradus* и *Pijamaradus* (стр. 20). Хаксли реконструирует таким путем именной элемент **Rada-/u-*; с фонетической точки зрения здесь скорее было **Arada-*; ср. кар. *ra-* [ara-], *rav-* [arav-]; хет. *A/ara-*, *arawa-*; кар. *rav-pleon*: хет. *arawa* + *Appaliuna* и т. д. В м.-аз. *Madduwattas* автор идентифицирует элемент **Mandus* с «ослабленным но-

¹ См. мои рецензии на эти книги в ВДИ 1964, № 2; см. также: В. В. Шеворошкин. Новые исследования по хеттологии. — ВЯ 1964, № 3.

² Ср. контртезис Ф. Шахермайра, изложенный в статье: F. Schachermayr. Luwier auf Kreta? — «Kadmos» 1, 1962, стр. 27—39 (см. ниже, прим. 9).

³ Заметим, что Л. Палмер (L. R. Palmer. Указ. соч., табл.) относит приход лувийцев на Крит к XVII в. (Среднеминойский период III В: «новая эра»; к более раннему времени Палмер относит приход лувийцев в материковую Грецию: ± 1900 г. до н. э.). Хаксли замечает, однако, что перестройка критских дворцов в XVII в. не означает того, что серьезные изменения в этническом составе критского населения произошли именно в эту эпоху.

совым», что сомнительно: в различных хетто-лувийских языках эта основа имела фонетическую форму *[matu]*:ср. хет. *Maddu-*, лид. *Matu-* и др. По сходным причинам крайне сомнительно отождествление лид. *Σάδυ*(*αττῆς*) с *Santas* 'бог Санда' (стр. 21): во-первых, *Σάδυ-* сопоставимо с хет. *Salu(wanta)*⁴, во-вторых, данная основа в хетто-лувийских языках существует и отнюдь не смешивается с основой *santa-*, ср. хет.-лув. *Santa-*, лид. *šanta-* (и кар. *senfa?*). Отождествление основы имени Сарпендана с хет.-лув. *Sarpa-*, м.-аз. *Šarpa-* в принципе возможно. Топонимы *Luwija* и *Лука* возводятся Хаксли к исходной основе **lukw̥i-*. В принципе отождествление обоих типов основ возможно, но в качестве исходной формы следует предполагать **luki-* (ср. хет. *luk (k)-* 'hell werden'; ср. лувийскую форму основы *luha-* 'свет'): в ряде лувийских диалектов *k* исчезало (иногда через ступень *h*)⁵. Заметим, что основа **luka/i-* наличествует и в кар. *λuke-*; исходная форма **lukw̥a/i* дала бы в кариjsком **λukie-* (соответственно отпадает гипотеза, согласно которой названия лувийцев и ликийцев восходят к слову со значением 'волк').

В египетской передаче крит. *S-n-t-k-p-p-w-y-i-i-m-n-t-r-k-k-r* Хаксли выделяет имена богов *Santa*, *Kubaba* и *Tarhu*; в *B-n-d-b-g* он находит элемент *δερρές*, а в *R-w-n-t* видит имя бога *Uruwanta* (*Runda*) и т. п. (стр. 23). Эти сопоставления заманчивы (можно аналогичным образом интерпретировать и остальные элементы), однако их нельзя признать доказательными.

На стр. 24 Хаксли приводит известное сопоставление лин. А *wadunimi*, лик. *βαδινιμι*. Там же упоминается слово *tarxonu* из негреческой надписи Крита, которое можно интерпретировать как анат. **Tarhumta* (Тархон?).

По мнению Хаксли, анатолийский суффикс *-utana/-wana* наличествует в ряде «догреческих» имен на *-uva* (см. стр. 24—27). В греч. *Παρνασσός* идентифицируется анат. *Parnassos* (от *parna-* 'дом, строить', ср. лик. *pr̥nna-*, ср. также кар. *Πρινασσός*, где *-v- = [ŋ]*). Крит. *Τύλισσος* сопоставляется Хаксли с лув. *tulijassos* <*tulija-* 'совет, собрание' (стр. 28). В принципе такое сопоставление допустимо; ср. лик. *tuli-* (≤ лув. *tulija-*), возможно, наличествует в лик. *prijedui*⁶ и кар. *Ἄριδωλς*. Однако следует иметь в виду, что, например, лид. *Τύλ(λ)-* восходит не к **tuli-*, а к хет. *Tiwa-la*⁷ (ср. в этой связи и кар. *tovl*). Крит. *Καρνυσσόπολις* связывается Хаксли с кар. *'Αλικάρνασσος* (стр. 29). В форме **Κάρνυασσος* идентифицируется иер. лув. *harnasa-* 'крепость'. (Заметим, что и в ряде других случаев «ларингал» дает рефлекс *k* в кариjsком.) Суффикс *-ss-*, выделимый в этой основе, наличествует, по Хаксли, также в *Parnassos*, *Knos(s)os* и т. п. Имя *Μίνως* сопоставляется Хаксли с писид. *Minassos* (стр. 29). Следует учесть в этой связи, что форма основы *μίνω-* может восходить к **minisha*, с характерным анатолийским суффиксом *-iwa*.

Крит. *Πριάνα* сопоставляется Хаксли с анат. *Parijana* > *Πριήνη* («допионийский» топоним). По-видимому, *Πριάνα* следует анализировать как **prijā + ns* и сопоставлять с кар. *Σ(α)ριάνος* <**sara + ns*; в обоих случаях перед нами формы на **-ns* <**-nts*, образованные от хетто-лувийских наречий с пространственным значением. «Догреч.» *Τάχ-* сопоставляется Хак-

⁴ Ср.: O. Carruba. Lydisch und Lyder. — MIOF 8, 1963, стр. 401. Видимо, в данной основе представлен особый «эгейский» звук, передавшийся в неэгейских языках то в виде *d*, то в виде *l* (ст. *Οδυσσεύς*/*Ολυττεύς* и т. п.).

⁵ Возможно, хет. *nakk-* и *nahh-* 'тяжелый'; 'щиптать' представляют собой генетически тождественные формы (ср. лув. *nahhiwa* при хет. *nakki-* 'тяжелый'). В кариjsком и в данном случае находим форму с *-k-*: *nak-ok* 'почтенный' (?).

⁶ См.: Ph. Houwink ten Cate. Luwian population groups of Lydia and Cilicia Aspera. Leiden 1961, стр. 174.

⁷ Ср.: O. Carruba. Указ. соч., стр. 402.

сли с хет. *Task-* (стр. 29 сл.); «догреч.» 'Ορυας, 'Ορυαс сближается с писид. 'Οραс, лув. *ura-* 'великий' (стр. 30); приводится и ряд других соответствий⁸.

Если отбросить малоубедительные параллели вроде -μανδυс ~ *Maddu-*, остается материал, с достаточной четкостью свидетельствующий о наличии «малоазийского элемента» в «догреческой» топономастике Эгейиды. По-видимому, следует сконцентрировать внимание на отыскании таких соответствий, которые указывали бы на несомненное сходство между двумя формами сразу по нескольким пунктам (примером может служить предложенная нами трактовка пары топонимов крит. Πριανος ~ кар. *Saravas*). Подобные соответствия свидетельствуют о том, что поселения хетто-лувийских по происхождению этнических групп существовали в древнюю эпоху и в центральном Средиземноморье. Возможно, такие поселения были спорадическими, и в таком случае едва ли удастся связать передвижение хетто-лувийцев на западные территории с теми или иными смещениями в архитектурных стилях и т. п. Тем самым отпадают основные возражения, выдвигаемые противниками «хетто-лувийской» гипотезы⁹, хотя несостоятельность ряда аргументов сторонников этой гипотезы лишает ее необходимости убедительной силы. Возможно, движение хетто-лувийцев на запад относилось к очень раннему времени (рубеж III и II тысячелетий до н. э.); в таком случае оно может быть связано с определенными культурными сдвигами, которые отмечаются археологами. Возможна, наконец, и иная трактовка проблемы: хетто-лувийские племена пришли с севера, распространявшиеся одновременно на территории Греции и Анатолии, причем в составе первых волн шли лувийские племена, проникшие далеко на юг.

⁸ В связи с трактовкой Хаксли имени Λέλεξ (ед. ч. от Λέλεγες) как протохеттского образования (ср.protoхаттский префикс мн. ч. *le-/li-* — см. стр. 41) следует указать на возможность сближения грекизированной формы Λέλεγ- и хет. *lulahhi*, лув. *lulahi*; хет.-лув. *lulah(h)i* находит аналогию в кар. *luleki* (ср. также кар. *lulk*, *iunk* или лув. *lulahi*, *iunahi*). Ср. хет. *lul-*.

⁹ Заметим в этой связи, что лингвистические контрапаргументы Ф. Шахермайра (далее ссылки указывают на страницы его названной выше статьи) в ряде случаев неубедительны. Так, суффикс-*-iwa* (в греч. передаче *-όη*), интерпретируемый Шахермайром в качестве эгейского (стр. 35), на самом деле является типично анатолийским — индоевропейским; то же может быть сказано в отношении суффикса *-tn-* хет.-лув. *-awana/-utna* (ср., однако, Schachermeyr, стр. 38). Независимо от происхождения основы *par-* («эгейской», по Шахермайру, — стр. 35), наличие ее в топонимах следует рассматривать как убедительный аргумент анатолийского (хетто-лувийского) характера этих топонимов (ср. догреческие формы типа *Пар-уяссос* в Греции). То же может быть сказано и о параллелях «догреч.» *Tylissos* ~ анат. *tulijassis*, *karnaso* ~ *harnasa*, видимых Шахермайром в влиянии «эгейского» субстрата (стр. 37). Параллели же *Lyktos* ~ *Luq-qatas*, *Pra(i)sos* ~ *Parassa* (там же) имеют, по-видимому, анатолийско-индоевропейское происхождение. Воображая против тезиса Хаксли о соответствии слоговой структуры минойского и лувийского языков, Шахермайр подчеркивает, что в лувийских формах имеется множество закрытых слогов (стр. 38). Тем не менее на основе сопоставления минойских и лувийских (в особенности же позднелувийских — ликийских) звуковых цепей действительно выявляется далеко идущий параллелизм между слоговой структурой обоих языков, который, впрочем, не обязательно свидетельствует о родстве между этими языками (см.: V. Ševořoškin. Linear A and Lykian. «Nestor» 66, 1963). Едва ли верен и важный тезис Шахермайра об «эгейском» характере этрунского: этот язык, возможно, является индоевропейским, причем, скорее всего, хетто-лувийским (см. мою рецензию на книгу А. И. Харсекина. — Наст. сб., стр. 370 сл.).